

История одной фотографии

Г.В. Нагорничных

В архиве нашей семьи много лет хранится интересная фотография. На ней – женщина средних лет в монашеском одеянии, степенно восседающая на резном кресле. Надпись на обороте фотографии подсказывает, что это игуменья Рафаила, настоятельница Спасо-Преображенского девичьего монастыря. Снимок сделан в г. Вятке в фотосалоне М. Шиляева и подарен «другу детства и юности» 10 сентября 1922 года. Фотография хранится очень бережно, но никто из родственников не может точно сказать, как она попала к нам, кроме того, что нашу семью с этой женщиной связывают дальние узы родства. Тем более интересно было бы узнать хоть что-нибудь о жизни такой неординарной личности, как игуменья Рафаила.

Когда берешь эту фотографию в руки, невольно испытываешь непреодолимый трепет, уважение, как будто на тебя спускается Божья благодать. В этот момент чувствуешь себя причастным к истории своего рода, гордишься тем, что такой человек – твой родственник, что он когда-то не просто жил, а постарался оставить заметный след в истории родного края.

Известен тот факт, что Рафаила была игуменьей Преображенского женского монастыря в 1917-начале 1920-х годов. Именно на ее плечи свалились все испытания во время гонений на Православную Церковь после революции 1917 года, в момент закрытия монастыря. Настоятельницей монастыря могла стать только по-настоящему сильная женщина, умудренная опытом, сильная в православной вере, хорошая хозяйственница. По всей вероятности, именно такой и была игуменья Рафаила.

К сожалению, о жизни Рафаилы и ее деятельности на посту настоятельницы известно очень мало. В связи с этим настоящим подарком судьбы стала встреча с отцом Александром (Образцовым), протоиереем Серафимовской церкви, который, будучи 11-летним мальчиком, был знаком с игуменьей Рафаилой. Удалось записать его воспоминания.

Воспоминания об игуменье Рафаиле (Антонии) о. Александра (Образцова Александра Афиногеновича), протоиерея Серафимовского собора г. Кирова (март 2009 г.):

«Я игуменью Рафаилу знал с 1939 года. Мне тогда было всего 11 лет. Тогда мой отец, священник, был осужден по 58 статье на 10 лет лишения свободы и находился в тюрьме. Когда у меня умерла мама, меня взяли к себе тетя и ее муж, о. Николай (Капустин), который был настоятелем Серафимовской церкви. У него в доме я и познакомился с Рафаилой. Я тогда еще не знал, что она игуменья. В 1939 году церкви были закрыты, так они собирались дома. Когда Рафаила приходила в гости со своей келейницей Олей, то меня отправляли гулять, чтоб я не слышал, о чем они разговаривали, да по малолетству чтоб где-нибудь чего лишнего не сказал: такое лихое время было. Церкви уже были закрыты, последняя церковь еще работала – Серафимовская, и то уже последние дни. Потом и ее закрыли, музей сделали антирелигиозный.

Игуменья Рафаила, а я знал ее как Антонию (она приняла постриг в схиму под именем Антония) жила с Оленькой на улице Степана Халтурина в квартале между улицами Володарского и Карла Маркса. Снимали квартиру у архитектора города Кирова. Я не знаю, он был женатый или

не женатый, но у него были две сестры незамужние. И они (т.е. Антония с Оленькой) жили у них на квартире. Она (Антония), когда в церковь ходила к отцу Николаю и Надежде Павловне (его жене), то приходила, одетая, как обычная старушка. Монашеское одеяние я не видел, и я не мог тогда и подумать, что это монахиня.

Очень она была уважительная, симпатичная (конечно, нельзя про монахиню говорить, что она симпатичная). Чистый взгляд, чистая душа. Была она очень обаятельной, любвеобильной к своим подчиненным, строгой в православной вере. Когда рукополагали владыку Вениамина (Тихоницкого) во епископы, она нам подсказывала, когда посох вынести ему, когда чего, мы были очень довольны.

Сама она во время службы находилась в алтаре, на клиросе не сидела. Тут мы не имели права к ней обращаться, она была очень строгой, раз идет божественная литургия, значит, должна быть тишина, спокойствие, кроме службы, чтоб никаких вопросов и разговоров не было. Мы, молодые - нам по 11 лет было, после службы к ней подходили на благословение. Как к ней подойдешь, она тремя пальчиками благословит. Дьяконы к ней подходили за благословением, а к священнику она, как положено, уже сама подходила за благословением. Очень, конечно, строгая, грамотная была и в духовном, и в светском отношении, этого не отнимешь. Все-таки управлять таким монастырем, надо иметь что-то в голове. Ведь и наставлять свою паству надо, для этого надо было очень много знать, изучать.

Часто собирались вместе очень хорошие люди, верующие, в доме на ул. Советской, 32 (34), рядом с церковью «Всех скорбящих радости» (в 1939 году там службы не было): отец Николай, Надежда Павловна, Нина Николаевна, дочь ректора Вятской семинарии. В этом доме было общежитие для слепых, Нина Николаевна Попова организовала там для них поселение. И все слепые, которые жили в этом доме, к ней (Антонии) обращались. Все слепые к ней очень хорошо относились, всегда приходили к ней на благословение. Читали ли они акафист или нет, я вам не могу сказать, но, мое предположение, что приходили они на молитву.

Игуменья Антония (извините, я так привык ее называть), когда владыку Вениамина рукоположили, нас, маленьких пацанов, учила, наставляла в слове Божьем. Может, это и повлияло на то, что и мне пришлось пойти по этому пути, хотя и поздно, но...

Она иногда со мной разговаривала. Расспросит все: как учимся, поинтересуется. Очень многому учила нас: чтоб не баловались, не хулиганили, не обижали ребят меньше себя, ничего не брали без спросу. Как она наставляла своих подчиненных монахинь, так и нас наставляла в вере Христовой, чтоб мы были такими же верующими. Очень скромная была, никогда не слышали от нее, чтоб она когда-нибудь голос повысила. И всегда она сидела в алтаре, где у нас икона Владимирской Божьей Матери, там еще не было престола, она с той стороны и сидела. И, когда служил владыка Вениамин, когда служба шла, она там всегда была. Очень часто причащалась. Была хорошая наставница, уважительно ко всем относилась, никогда не повышала голос.

У нее была Оленька, келейница, очень хорошая старушечка. Хорошо готовила, пекла, всегда на праздники, всегда с молитвой. Творит тесто – молитву читает: «Отче наш», «Верую», тесто замесит, всегда потом крестик над квашоночкой сделает, закроет. И она ухаживала за матушкой. Сестры архитектора, у которых они жили, потом, когда дом снесли у них, Оленьку к себе взяли, ухаживали за ней и похоронили ее.

Как Рафаила оказалась в монастыре, откуда она, кто ее родители, я не знаю. Тогда они сами все боялись лишнего говорить: и монахини, и батюшки – и все. И матушка Антония ходила по городу с Оленькой, одетые, как простые, современные старушки, чтоб на них меньше внимания обращали.

Мне рассказывали, что однажды игуменья Антония заболела. Это в 1937-м или 1938-м году было, я не знаю, дату мне не говорили. Так получилось, что вызвали к ней доктора Мышкина, такой доктор здесь был. Он пришел и говорит: «О, это игуменья Антония!» Посмотрел на нее и Оленьке сказал: «Давай, что там надо по-вашему, делайте, она не сегодня-завтра умрет». Он ушел, Оленька побежала к отцу Николаю Капустину и сказала: «Такое дело, отец Николай, надо идти». Пошел причащать ее. Пришел, тоже сам посмотрел (это он сам мне рассказывал): плоха действительно, вот-вот умрет. Стал читать молитвы для того, чтоб причастить. Потом, говорит:

«Оглядываюсь, смотрю, игуменья лежала – уже сидит. Я онемел, но продолжаю дальше. Исповедовал, она уже сидела. Стал причащать, поворачиваюсь святыми дарами ее причастить – игуменья-то стоит ведь! Причастил, и скорей бежать к своей матушке Надежде Павловне: «Матушка, иди-ка к игуменье Антонии, у нее горячка, наверное». Матушка приходит, а Антония с Оленькой чай пьют! Вот это не чудо ли?!

Лет 5 прошло, она где-то простыла или что-то еще, этого же Мышкина вызвали. Он:

«Игуменья Антония?»

- «Да!»

- «Я ведь вас приговорил к смерти!»

А она: «А я живая!»

Это чистосердечно говорили отец Николай Капустин и Надежда Павловна. А я им, конечно, верю. Она верила в исцеление, покаялась, причастилась, а это лучшее лекарство для христианина.

Она читала молитвы, службу знала, конечно, прекрасно. По хозяйству ничем не занималась. Жила на пожертвования верующих, потому как шли к матушке Антонии на благословение, и несли ей покусать. А там уже всем руководила Оленька, ее келейница. До конца своей жизни она жила здесь, в городе Кирове.

Конечно, смиренная была, и по виду видно, что действительно человек смиренный, спокойный. Ну, кое-кого из монахинь, может, и ругала. Выдержать монашескую жизнь – это великий труд и подвиг.

Монахини, которые оставались живы, на нее никогда не обижались, что она была строгой. Строгой-то она была строгой, конечно, но справедливой, и по-матерински относилась к каждой послушнице. Игуменья же все равно, что мать. Она грубо не говорила никогда, всегда с улыбочкой: «Миленькая, дорогая...» Верующие, кто ходил в церковь, к ней, как к батюшке, шли на благословение. Матушка перекрестит - ручку поцелуешь.

Знаю, что в схиму ее одевал отец Николай Капустин в церкви на Богословском кладбище, отец Николай там служил настоятелем.

Я ее помню до 1948 года. В 1948-м году я ушел в армию. А вернулся я уже в 1954-м году, к тому времени она уже умерла, я ее не застал. Иначе, когда я венчался со своей женой, то обязательно пошел бы к ней на благословение на брак.

У меня была ее фотография, там она была с одним крестом, еще без медалей, молодая. Теперь фотография у отца Андрея Дудина в епархиальном архиве. О монастыре, его истории у нас не было с ней разговора никогда. Старые-то батюшки, конечно, знали. Но я и от других не слышал этого. Где точно она похоронена, я не знаю, знаю, что на втором кладбище в Макарье».

Воспоминания отца Александра лишь немного приоткрыли завесу тайны над личностью игуменьи Рафаилы. Очень хочется надеяться, что это только начало, что когда-нибудь удастся узнать еще какие-либо подробности о ее жизни, побывать на ее могиле, сохранить для потомков не только безмолвную фотографию, но и достаточно полную биографию их знаменитой родственницы.